

УДК 343.969.5
ББК 67.519

А.Г. Кибальник
*доктор юридических наук, профессор,
Северо-Кавказский федеральный университет*

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Статья посвящена анализу обстоятельств, исключающих ответственность, в международном уголовном праве. Особое внимание уделено таким обстоятельствам, как защита, необходимость, ошибка, невменяемость и интоксикация. В качестве источников использованы Римский Статут международного суда, решения Международного трибунала по бывшей Югославии и Международного трибунала по Руанде. Показано, что с принятием Римского Статута стало возможным говорить о формировании в международном уголовном праве системы обстоятельств, исключающих ответственность физических лиц за причиненный вред. Данные обстоятельства имеют различную правовую природу, но общая тенденция свидетельствует о том, что современные международные трибуналы вводят определенные прецедентные ограничения в отношении понимания соответствующих норм международного права (в частности, относительно норм о защите, необходимости, принуждении и исполнении приказа).

Ключевые слова: международное уголовное право; Римский Статут международного уголовного суда; Международный трибунал по бывшей Югославии; Международный трибунал по Руанде; обстоятельства, исключающие уголовную ответственность.

A.G. Kibal'nik
*Doctor of Law, Professor,
North Caucasus Federal University*

DEFENSES TO CRIMINAL LIABILITY IN MODERN INTERNATIONAL CRIMINAL LAW

The article analyses defenses to criminal liability in international criminal law. The author studies defenses as follows: defense, necessity, mistake, incapacity, intoxication. The Rome Statute of the International Criminal Court, International tribunal rulings on Former Yugoslavia and Rwanda are used as sources. The author states that The Rome Statute developed a system of defenses to liability of an individual for damage. Those defenses have different legal nature, but general tendency indicates that modern International tribunals impose percentage restrictions relating to international law regulations' interpretation (especially relating to regulations on defense, necessity, compulsion and order execution).

Key words: international criminal law; Rome Statute of the International Criminal Court; International tribunal on Former Yugoslavia; International tribunal on Rwanda; defenses to criminal liability.

Одной из самых примечательных тенденций в развитии современного международного уголовного права стала эволюция института обстоятельств, освобождающих от ответственности (исключающих уголовную ответственность). Все эти обстоятельства, указанные в ст. 31–33 Римского Статута Международного уголовного суда (далее – Римский Статут), имеют различную правовую природу (защита,

необходимость, невменяемость, принудительная интоксикация, ошибка в факте и пр.). Наличие обстоятельства, освобождающего лицо от ответственности, дает основание полагать, что такое обстоятельство по своей правовой природе не просто освобождает лицо от ответственности, а в какой-то мере (например, в ситуациях защиты и необходимости) предоставляет ему право на причинение вреда инте-

ресам, охраняемым международным уголовным правом.

В соответствии с п. «с» ч. 1 ст. 31 Римского Статута, лицо может не нести ответственность, если, причиняя вред, действовало «разумно для защиты себя или другого лица или, в период военных действий, имущества, которое является особо важным для выживания данного лица либо другого лица, либо имущества, которое является особо важным для выполнения задачи военного характера». В зарубежной доктрине отмечается, что «применение силы» должно быть «неизбежным» при защите от физического и «психологического» нападения, неминуемо ведущего к применению насилия. При этом главное требование допустимости вреда при защите себя либо другого лица – его соразмерность степени опасности, угрожавшей этому лицу, другому лицу или названному имуществу [4, р. 870]. Опасность, от которой лицо защищается, может исходить только от человека, по существу нападающего человека. И причинитель вреда применяет к нему контрдействие – защищается, причиняя при этом вред. Примечательно, что «соразмерность» причиненного вреда не означает его полной эквивалентности – ведь тогда защищающийся не сможет, например, никогда лишить жизни нападающего даже в целях собственного выживания.

Данное обстоятельство корреспондирует с хорошо известными национальными законами, положениями о необходимой обороне. Например, в одном из решений Международного трибунала по бывшей Югославии (далее – МТБЮ) сказано, что «принцип защиты себя или другого лица... отражает положения большинства национальных уголовных кодексов и может рассматриваться в качестве нормы международного обычного права» [9, § 451]. Однако международное уголовное право предоставляет право на оборону не от всякого посягательства, а только от посягательства (нападения) на человека и особо ценное имущество. Кроме того, участие лица в операции по защите само по себе «не является основанием для освобождения от уголовной ответственности» по этому обстоятельству – любой акт защиты должен быть совершен для «себя, другого человека либо, при совершении военных преступлений, имущества» [3, р. 260].

Правом «на защиту себя и других лиц» по международному уголовному праву обладают исключительно люди. В этом аспекте необхо-

димо отличать данное обстоятельство, исключаящее ответственность, от права государства (государств) на индивидуальную либо коллективную самооборону от вооруженного нападения (агрессии), провозглашенного ст. 51 Устава ООН.

Другим обстоятельством освобождения от ответственности по международному уголовному праву является причинение вреда в силу «вынужденной ответной реакции на угрозу неминуемой смерти либо неминуемого причинения тяжких телесных повреждений; для самого лица или другого лица» (п. «d» ч. 1 ст. 31 Римского Статута). Причинение вреда при необходимости как «выбор наименьшего зла» возможно, если угроза исходит от других лиц либо создана другими обстоятельствами, не зависящими от этого лица (при этом не обязательно человеком). Лицо может быть освобождено от ответственности за причинение вреда в данной ситуации, если: а) приняло «необходимые и разумные» меры для устранения угрозы; б) не намеревалось причинить больший вред, чем тот, который пыталось предотвратить. При этом обязательному установлению подлежит намерение причинителя вреда устранить угрозу [8].

Конструкция этого обстоятельства освобождения от ответственности по международному уголовному праву весьма сильно напоминает еще одно традиционное для национальных уголовных законов обстоятельство, исключаящее преступность деяния, – крайнюю необходимость. Однако ситуация «вынужденной ответной реакции» в международном уголовном праве, по всей видимости, все же допускает реальное причинение большего вреда, чем вред предотвращенный. Несмотря на однозначное требование «необходимости и разумности» реакции лица на угрозу, такая реакция должна выступать в качестве единственной возможности устранения угрозы, вплоть до причинения смерти угрожающему субъекту [3, р. 285].

Вместе с тем в зарубежной доктрине пристальное внимание уделяется вопросу о «необходимости и разумности» поведения лица, находящегося в состоянии необходимости либо под принуждением [14, р. 146]. Особо острым этот вопрос становится при оценке действий людей, принуждаемых к причинению смерти третьим лицам в процессе совершения международных (в частности, военных) преступлений.

Так, в практике современных международных трибуналов *ad hoc* всегда наказуемым считается убийство невинных лиц (например,

мирного населения), совершенное под принуждением солдатами при совершении преступлений против человечности и (или) военных преступлений. Прочитируем одно из решений МТБЮ в отношении обвиняемого, принявшего участие в расстреле мирного населения под угрозой расправы над ним самим и его семьей: «Был реальный риск, что обвиняемый будет убит, если откажется повиноваться приказу. Он понял, что не имел никакого выбора: он должен был убить или должен был быть убит» [8, § 19]. Тем не менее даже такая степень принуждения при совершении деяния «по необходимости» не была расценена трибуналом в качестве извинительного обстоятельства.

Субъективная сторона (*mens rea*) преступления в международном праве допускает возможность ошибки лица, т.е. его заблуждения относительно фактических (ошибка в факте) или юридических (ошибка в праве) обстоятельств. В силу ст. 32 Римского Статута при решении вопроса об исключении ответственности могут иметь место два вида ошибок – в праве и в факте. Ошибка в праве, по общему правилу, не является обстоятельством, освобождающим от ответственности, и позволяет лишь смягчить наказание. Однако ошибка в праве может исключать ответственность, если она «исключала субъективную сторону данного преступления», например при «неявности» преступного приказа для его исполнителя. Крайне маловероятную возможность применения нормы об ошибке в праве как основания освобождения от ответственности отмечают и западные авторы. Данное обстоятельство основано на том факте, что подавляющее большинство основных норм международного уголовного права и прав человека являются «одновременно и фундаментальными нормами общечеловеческой морали». Вследствие этого они «ясны, неопровержимы и универсально признаны» (например, при совершении убийств, изнасилований, пыток и других бесчеловечных действий, включая их совершение во исполнение приказа), поэтому правоприменитель «не должен принимать во внимание предполагаемое незнание закона» в качестве извинительной ошибки в праве [3, р. 256–257].

Так, например, в одном из решений МТБЮ подчеркнута «очевидность» преступности участия в совершении военных преступлений в виде казни представителей мирного населения: «Это... очевидно в свете всех дел, в которых лица были признаны виновными

за то, что доставляли жертв и преступников к месту казни. В этих делах... со стороны водителей... имело место знание о преступной цели палачей... Если бы не было доказано, что водитель разумно осознавал, что целью поездки является незаконная казнь (осуществленная исполнителями. – *А. К.*), то он был бы оправдан» [6, § 245].

Ошибка в факте служит основанием освобождения от ответственности, если она «исключает необходимую субъективную сторону» данного преступления (т.е. в силу такой ошибки у лица отсутствует умысел на совершение деяния или на причинение каких-либо преступных последствий). Вот как, например, один из послевоенных американских военных трибуналов изложил обстоятельства, в которых фактическая ошибка может исключить вину: «При определении вины или невиновности любого воинского начальника, обвиняемого в непредставлении или отказе в предоставлении статуса комбатанта захваченным членам сил сопротивления, следует, прежде всего, рассмотреть ситуацию так, как та ему представлялась. Такому начальнику не будет разрешено, делая вывод, игнорировать очевидные факты. Любой изучивший военное дело обычно сможет без труда принять правильное решение, и если по любой причине он злонамеренно не делает этого, впоследствии он будет нести уголовную ответственность за противоправные деяния, совершенные против тех, кто имеет права комбатанта. Если же существует возможность добросовестного заблуждения, то такой воинский начальник имеет на него право в силу презумпции невиновности» [5, р. 184].

Возникновение и формирование приказов командиров (начальников) как правового основания началось в международном уголовном праве с понимания того, что, несмотря на принцип «недопустимости ссылки на приказ», причинение объективно преступного вреда во исполнение последнего все же может при определенных обстоятельствах расцениваться в целом как непроступное. Так, Комиссия международного права ООН, формулируя принципы Нюрнбергского процесса, решила этот вопрос следующим образом: «Исполнение приказа правительства или начальника не освобождает от ответственности... если фактически был возможен сознательный выбор» [2, с. 113].

Следовательно, отсутствие сознательного выбора поведения исполнителя приказа освобождало его от ответственности за испол-

нение обязательного для него распоряжения. В современных актах международного уголовного права продолжает действовать принцип, согласно которому исполнение преступного приказа не освобождает от уголовной ответственности. Так, в одном из решений МТБЮ указано, что «приказы начальника не освобождают подчиненных от обязательства соблюдать соответствующие нормы международного гуманитарного права и, следовательно, сами по себе не могут являться основанием для освобождения от уголовной ответственности» [11, § 24].

В практике Международного трибунала по Руанде дано следующее определение: «Приказ подразумевает отношения начальник – подчиненный между лицом, отдающим приказ, и исполнителем. Другими словами, лицо, обладающее властным положением, использует его для того, чтобы убедить другого человека совершить преступление. В определенных юридических системах приказ является формой соучастия, которое выражается через инструкции, данные непосредственному исполнителю преступления» [10, § 483]. А в решениях МТБЮ сказано, что приказ может быть «отдан в письменной или любой другой специфической форме. Он может быть явным или подразумеваемым» [7, § 42].

В соответствии со ст. 33 Римского Статута, основанием для освобождения исполнителя приказа от уголовной ответственности является наличие совокупности следующих факторов: а) исполнитель был юридически обязан исполнять приказы правительства и начальника; б) исполнитель явно не осознавал незаконности приказа и сам приказ не имел очевидно незаконный характер.

Единовременное наличие всех этих критериев освобождает исполнителя от уголовной ответственности за исполнение незаконного приказа. Как уже говорилось, исполнение приказа об осуществлении акта геноцида и ряда военных преступлений (например, убийств представителей мирного населения), которые в силу своей очевидности всегда расцениваются как «осознаваемо незаконные» для исполнителя, никогда не может расцениваться в качестве обстоятельства, исключающего ответственность исполнителя приказа. Хотя надо заметить, что в зарубежной литературе вопрос об освобождении от уголовной ответственности на основании исполнения приказа командира, не являющегося явно незаконным для

исполнителя, в принципе нередко связывается только с совершением военных преступлений [4, p. 928–930].

В соответствии с п. «а» ст. 31 Римского Статута, лицо не может нести ответственность, если страдает психическим заболеванием или расстройством, которое лишает его возможности осознавать противоправность или характер своего поведения или соотносить свои действия с требованиями закона. В решениях международных трибуналов *ad* указывается, что «невменяемость является абсолютным основанием для освобождения от уголовной ответственности». Наряду с неспособностью лица осознавать преступность деяния по причине наличия у него психического заболевания также должна быть установлена «неспособность такого лица осознавать значимость своего поведения», так как невменяемость представляет собой «нарушение интеллекта, связанное с заболеванием рассудка, заключающееся в незнании характера и качества совершаемого деяния» [13, § 582, 587].

Пункт «b» ст. 31 Римского Статута в качестве обстоятельства освобождения от ответственности расценивает состояние интоксикации, которое имело следствием лишение лица возможности понимать характер своих действий или соотносить их с положениями закона. При этом условием является то, что данное лицо подверглось интоксикации недобровольно, т.е. насильно либо помимо его воли (например, если интоксикация стала результатом обманных действий). Если же интоксикация носила добровольный характер, речи об освобождении от ответственности идти не может. Более того, в одном из решений МТБЮ прямо говорится о том, что состояние интоксикации может быть обстоятельством, устраняющим либо смягчающим наказание, только если она – «принудительная или вынужденная». Но «в обстановке, когда насилие является нормой и применяется оружие, сознательное употребление наркотиков или алкоголя (лицами, применявшими пытки. – *А. К.*) становится обстоятельством, отягчающим... наказание» [12, § 706].

Однако состояние добровольной интоксикации в доктрине в исключительных случаях расценивается как основание освобождения от уголовной ответственности. По словам некоторых авторов, только утрата лицом способности «оценивать и контролировать собственное поведение» по причине добровольной инток-

сикации может приниматься в качестве такого обстоятельства, «если лицо, находясь в состоянии интоксикации, не осознавало возможности совершения преступления по международному праву» [1, с. 305–306].

Итак, с принятием Римского Статута стало возможным говорить о формировании в международном уголовном праве системы обстоятельств, исключающих ответственность

физических лиц за причиненный вред. Данные обстоятельства имеют различную правовую природу, но общая тенденция свидетельствует о том, что современные международные трибуналы вводят определенные прецедентные ограничения в отношении понимания соответствующих норм международного права (в частности, относительно норм о защите, необходимости, принуждении и исполнении приказа).

ПРИСТАТЕЙНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верле Г. Принципы международного уголовного права / Г. Верле. – Одесса ; М., 2011.
2. Нюрнбергский процесс: право против войны и фашизма / под ред. И.А. Ледях, И.И. Лукашука. – М., 1995.
3. Cassese A. International Criminal Law / A. Cassese. – 2nd ed. – Oxford, 2008.
4. Commentary on Rome Statute of the International Criminal Court / ed. by O. Triffterer. – 2nd ed. – Oxford, 2008.
5. Law Reports of Trials of War Criminals. – Vol. XV. – L., 1949.
6. Prosecutor v. A. Furundzija. – Case № IT-95-17/1-T. – 10 Dec. – 1998.
7. Prosecutor v. Blaskic. – Case № IT-95-14-A. – 29 July. – 2004.
8. Prosecutor v. D. Erdemovic. – Case № IT-96-22-T. – 7 Oct. – 1997.
9. Prosecutor v. D. Kordic and M. Cerkez. – Case № IT-95-14/2-T. – 26 Febr. – 2001.
10. Prosecutor v. J.-P. Akayesu. – Case № ICTR-96-4-T. – 2 Sept. – 1998.
11. Prosecutor v. M. Bralo. – Case № IT-95-17-A. – 2 Apr. 2007.
12. Prosecutor v. M. Kvočka. – Case № IT-98-30/1-T. – 2 Nov. – 2001.
13. Prosecutor v. Z. Mucic. – Case № IT-96-21-A. – 20 Febr. – 2001.
14. Scaliotti M. Defenses Before the International Criminal Court: Substantive Grounds for Excluding Criminal Responsibility. Pt. 1 / M. Scaliotti // International Criminal Law Review. – 2001.

REFERENCES

1. Verle G. Principles of international criminal law. [Verle G. Principy mezhdunarodnogo ugodovnogogo prava]. Odessa ; Moscow, 2011.
2. Nuremberg trial: law against war and fascism. Edited by I.A. Ledjah, I.I. Lukashuk. [Njurnbergskij process: pravo protiv vojny i fashizma / pod red. I.A. Ledjah, I.I. Lukashuka]. Moscow, 1995.
3. Cassese A. International Criminal Law, 2nd ed., Oxford, 2008.
4. Commentary on Rome Statute of the International Criminal Court. Edited by O. Triffterer. 2nd ed., Oxford, 2008.
5. Law Reports of Trials of War Criminals, Vol. XV, L., 1949.
6. Prosecutor v. A. Furundzija, Case № IT-95-17/1-T, 10 Dec., 1998.
7. Prosecutor v. Blaskic, Case № IT-95-14-A, 29 July, 2004.
8. Prosecutor v. D. Erdemovic, Case № IT-96-22-T, 7 Oct., 1997.
9. Prosecutor v. D. Kordic and M. Cerkez, Case № IT-95-14/2-T, 26 Febr., 2001.
10. Prosecutor v. J.-P. Akayesu, Case № ICTR-96-4-T, 2 Sept., 1998.
11. Prosecutor v. M. Bralo, Case № IT-95-17-A, 2 Apr., 2007.
12. Prosecutor v. M. Kvočka, Case № IT-98-30/1-T, 2 Nov., 2001.
13. Prosecutor v. Z. Mucic, Case № IT-96-21-A, 20 Febr., 2001.
14. Scaliotti M. Defenses Before the International Criminal Court: Substantive Grounds for Excluding Criminal Responsibility. Pt. 1, *International Criminal Law Review*, 2001.

Сведения об авторе

Кибальник Алексей Григорьевич – заведующий кафедрой уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Ставрополь; e-mail: 13kln@mail.ru.

About the author

Kibal'nik Aleksey Grigor'evich – Head of Chair of criminal law and process of North Caucasus Federall University, Doctor of Law, Professor, Stavropol; e-mail: 13kln@mail.ru.